

- 730 синоним. рядов / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шклярова; Под ред. В.П. Жукова. – 2-е изд., стер. – М., 2005. – С. 236.
11. Трухина С.А. Лексическое и грамматическое значение в семантике лексико-грамматических фразеологизмов (на материале русского, немецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1982. – С. 3-17.
12. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – Изд. 3-е. – М., 2007. – С. 132.
13. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – 3-е изд. – М., 1985. – С. 27.
14. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Изд. 4-е. – М., 2007. – С. 38.
15. Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // ВЯ. 1958. – № 2. – С. 93-100.

УДК 801.56

Тихонова О.А.Ярославский государственный
университет им. К.Д. Ушинского

СЕМАНТИКА ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО*

Аннотация. В данной статье рассматриваются средства репрезентации категории синтаксического времени и семантика форм будущего времени в поэтической речи Иосифа Бродского. Устанавливается зависимость семантики форм будущего времени от контекста поэтического произведения и индивидуально-авторской модели времени. Значительное внимание уделяется комплексу модальных и оценочных значений, выражаемых формами будущего времени.

Ключевые слова: темпоральность, синтаксическое будущее время, синтаксическая модальность, имперфективное значение, перфективное значение, аористивное значение, временная неопределенность.

О. Tikhonova

THE SEMANTICS OF THE FUTURE
TENSE FORMS AT THE J. BRODSKY'S
POETRY

Abstract. The means of the representation of the tense category and the semantics of the future tense forms at the J. Brodsky's poetry are considered in this article. It is established, that the semantics of the future tense forms depends on the poetical context and the unique author's tense model. The complex of the modal meanings expressed by the future tense forms are observed here.

Key words: temporality, syntactic future tense, syntactic modality, imperfective meaning, perfective meaning, aoristic meaning, temporary indefiniteness.

* © Тихонова О.А.

Проблема времени есть основная проблема человеческого существования. «Переживание времени связано с переживанием нашего собственного существования. «Я существую» значит «я существую сейчас», однако существую в некоем «вечном теперь» и чувствую себя тождественным самому себе в неуловимом потоке времени», – пишет Б. Рейхенбах в «Философии пространства и времени о субъективном восприятии феномена времени [5]. Время, его движение, ускорение и остановка, его необратимость или возможность его преодоления, взаимодействие прошлого, настоящего и будущего на протяжении многих веков является не только важнейшим объектом мыслительной деятельности, но и предметом художественного освоения.

Время в художественном тексте всегда концептуализировано. По этой причине формы времени приобретают в художественном тексте «приращения» смысла, вступают в текст в концептуально обусловленные, часто ассоциативные связи. Их употребление в художественной речи связано с актуализацией общеязыковых значений и добавочных смыслов, индивидуально-авторской интерпретацией грамматической формы.

Наиболее концептуализированы в поэтической речи формы будущего времени. Именно эти формы времени особенно близки к наклонению и способны выражать комплекс модальных и оценочных значений [4, с. 178]: значений невозможности и потенциальности, обобщенности и необратимости. Так, в поэзии 20 века формы будущего времени

часто выделяют желаемые, но невозможные ситуации или действия, обозначают события, страшные лирического героя, выражают надежды или сомнения. Будущее мыслится как безальтернативное, всецело принадлежащее ведению рока, судьбы.

Использование грамматических форм времени в художественной речи отражает темпоральный опыт личности и во многом определяется теми или иными сквозными образами и мотивами творчества поэта в целом. В лирике Иосифа Бродского формы будущего времени последовательно используются для развертывания сквозных мотивов смерти, одиночества, невозможности чего-либо (невозможность преодолеть расстояние, расставание, смерть, невозможность коммуникации). Ср.: 1) *Смерть придет и найдет тело, чья гладь визит смерти, точно приход женщины, отразит* (Натюрморт); *Мы остаемся смятым окурком, плевком, в тени под скамьей, куда угол проникнуть лучу не даст, и слежимся в обнимку с грязью, считая дни, в перегной, в осадок, в культурный пласт* (Только пепел знает, что значит согреть дотла); 2) *Глушеною рыбой всплывая со дна, кочуя, как призрак по трекам, как тело, истлевшее прежде рядна, так тень моя взапуски с небом, повсюду начнет возвещать обо мне тебе, как заправский мессия, и корчиться будет на каждой стене в том доме, чья крыша – Россия* (Отказом от скорбного перечня – жест); *Через тысячу лет живущая в нише мышь с ломаным когтем, не одолев гранит, выйдет однажды вечером, пискнув просеменит через дорогу, чтоб не прийти в нору в полночь. Ни по утру* (Торс); 3) *Невозможность свиданья превращает страну в вариант мирозданья, хоть она в ширину, завидуя к славе, не уступит* любой залетейской державе, *превзойдет* голытьбой (Строфы); *Бобо мертва, но шапки недолой. Чем объяснить, что утешаться нечем. Мы не проколем бабочку иглой Адмиралтейства – только изувечим* (Похороны Бобо).

Являясь по сути формой небытия, будущее мыслится Бродским как нечто негативное: *Мы на раскопках грядущего, бьющего здесь ключом, то есть жизни без нас* (Византийское); *Будущее всегда настает, когда кто-нибудь умирает. В определенном смысле, в будущем нет никого; в определенном смысле, в будущем нам никто не дорог* (Вертумн); *Будущему требуется помещение без людей* (В следующий век). Главным признаком его становится отсутствие жизни и движения,

иными словами, оледенение: *Пахнет оледенением. Пахнет, я бы добавил, неолитом и палеолитом. В просторечии – будущим. Ибо оледенение есть категория будущего, которое есть пора, когда больше уже никого не любишь, даже себя* (Вертумн). По этой причине вполне реальной оказывается ситуация раскопок будущего, появление в будущем мамонтов и ихтиозавров.

Необратимость времени, невозможность его преодоления – одна из важнейших тем лирики Иосифа Бродского: *Грядущее настало, и оно переносимо; падает предмет, скрипач выходит, музыка не длится, и море все морщинистей, и лица. А ветра нет. Когда-нибудь оно, а не – увы – мы, захлестнет решетку променада и двинется под возгласы «не надо», вздымая гребни выше головы, туда, где ты пила свое вино, спала в саду, просушивала блузку – круша столы, грядущему моллюску готовя дно* (Второе Рождество на берегу). Из всех функций и качеств времени наиболее понятна и очевидна для него функция уничтожения. По этой причине наступление будущего вызывает в сознании поэта образ всепоглощающего моря, гребни которого сметают все на своем пути, превращая прошлую жизнь, воспоминания в «дно» для моллюска. Интересно, что моллюск у Бродского всегда символ грядущего. Возможно, в основании данной символизации – неподвижность и мертвенность обоих.

Необходимо отметить, что в приведенном примере автор намеренно создает эффект неопределенности, размывая тем самым временные границы и косвенно указывая на то, что переход к будущему стремителен, почти неразличим в потоке дней, но всегда необратим и неизбежно ведет к уничтожению того ценного и дорогого, что было в прошлом (*ты пила свое вино, спала в саду, просушивала блузку*). Поэтому в рамках одной строфы утверждается и **факт** наступления будущего (*грядущее настало*), и **вероятность** его наступления в какой-то момент (*когда-нибудь захлестнет, двинется*), и **результат** варварского нашествия будущего, обнаруживаемый в настоящем (*музыка не длится, морщинистей лица*). Размытость семантики форм времени усиливается в результате аграмматического сочетания формы прошедшего времени глагола в перфективном значении *настало* с существительным *грядущее*, также обладающим темпоральным значением. Ярким примером подобных аграмматических сочетаний могут служить ставшие хрестоматийными

строки Иосифа Бродского: *Вчера наступило завтра, в три часа пополудни. Сегодня уже «никогда», будущее вообще.*

Ценность прошлого для лирического героя состоит в его длительности, наполненности деталями, поэтому действия в прошлом обозначены глагольными предикатами прошедшего времени в имперфективном значении (*пила, спала, просушивала*). Напротив, формы будущего времени выступают в данном случае в перфективном значении (*захлестнет, двинется*), передавая тем самым стремительность и результативность действия.

То же наблюдаем в стихотворении «Песенка»: *Пролитую слезу из будущего привезу, вставлю ее в колечко. Будешь гулять одна, надевай его на безымянный, конечно.* Здесь утверждается возможность возвращения из будущего в настоящее, к исходной временной точке. Алогизм создается сочетанием предиката в форме будущего времени «привезу» с обстоятельством времени *из будущего*. Кроме того, свершившееся событие (*пролитая слеза*), обозначенное формой прошедшего времени страдательного причастия, мыслится и как факт будущего, и как факт, способный быть воспринятым в настоящем.

Н.А. Николина называет подобную темпоральную неопределенность важнейшим признаком лирики. По ее мнению, «в лирике внеязыковой момент речи, с которым обычно соотносится употребление времени в высказывании, предельно условен: это не момент говорения, а момент лирического переживания, который определяется интенциями автора» [4, с. 103]. Об отношении форм глагольного времени к дейктическому центру говорит и А. В. Бондарко, указывая на то, что «в конкретных актах речи» данное отношение связывается с «внеязыковым моментом речи» [2]. Таким внеязыковым моментом речи в поэзии И. Бродского является, прежде всего, индивидуально-авторское, трагическое восприятие самого феномена времени. Иосиф Бродский варьирует на все лады тему убывания жизни. Будущее страшит его в силу своей неясности, ибо в нем зияет дыра на месте ныне живущего – моего «я». Образ будущего порождает в настоящем сильнейшую и щемящую ностальгию по иссякающей жизни, поэтому огромная нагрузка ложится на прошлое и настоящее, наполненное мельчайшими событиями жизни [1]. Меняется иерархия конечного и бесконечного: если традиционно бесконечное воспринимается как нечто более ценное и важное по отношению к преходя-

щему, частному и индивидуальному, то для Бродского бесконечность, будущее – это всегда мрак, отсутствие жизни.

По этой причине формы будущего времени в его поэтических текстах никогда не указывают на протекание какого-либо действия в конкретный момент, следующий за моментом речи, а репрезентируют ситуацию, при которой действие в будущем оказывается соотношенным одновременно с настоящим и прошлым. Нередко подобное языковое явление сопровождается нарушением логических отношений предшествования-следования. Дейктическим центром, с которым соотносится употребление форм времени в высказывании, становится личность говорящего, Я.

Нейтрализация грамматического противопоставления будущего прошлому и настоящему не случайность, а почти закономерность в поэзии Иосифа Бродского. Лирическое переживание каждый раз снимает данную оппозицию, образуя своеобразный синтез времен. Так, в стихотворении «Любовь» наблюдаем «прорастание» прошлого в будущем: *В какую-нибудь будущую ночь ты вновь придешь усталая, худая, и я увижу сына или дочь, еще никак не названных – тогда я не дернусь к выключателю и прочь руки не отведу уже, не вправе оставить вас в том царствии теней, безмолвных перед изгородью дней, впадающих в зависимость от яви, с моей недостижимостью в ней* (Любовь). Наречие *вновь* явно указывает на повторяемость действия, неоднократность его осуществления. Потенция повторяемости заложена в аористивном значении будущего синтаксического (*ты вновь придешь*) времени. В этом случае высказывание обрастает коннотативным смыслом предсказания [6, с. 61]. В *какую-нибудь будущую ночь* должно лишь отразиться уже произошедшее некогда в прошлом. Лирический герой пытается восстановить картину из прошлого, чтобы внести в нее поправки, и с этой целью делает определенную проекцию в план будущего. Там, в будущем, видится ему возможность исправления ошибки (*не дернусь к выключателю, руки не отведу*), однако чувство вины вновь воскрешает события прошлых лет: приход возлюбленной не отменяет расстояния, не устраняет изгородь дней, разделяющих их, а *недостижимость* по-прежнему остается признаком яви. Формы будущего времени реализуют в данном контексте значение невозможности, будучи соотношенными с планом прошлого.

Формы будущего времени глаголов-сказуемых в поэзии Иосифа Бродского, как правило, выражают сомнение в реальности действий и состояний или же отрицание самой возможности этих действий. Будущее намеренно наделяется автором такими ложными свойствами, как прогнозируемость и альтернативность. В литературоведении подобное авторское поведение обозначено термином «ненадежный рассказчик». Так, в стихотворении «Пророчество» идиллическое, защищенное от внешнего мира существование героев оказывается иллюзорным: *Мы будем жить с тобой на берегу, отгородившись высоченной дамбой от континента, в небольшом кругу, сооруженном самодельной лампой. Мы будем в карты воевать с тобой и слушать, как безумствует прибой, покашливать, вздыхая неприметно, при слишком сильных дуновеньях ветра. В Голландии своей, наоборот, мы разведем с тобой огород и будем устриц жарить за порогом, и солнечным питаться осьминогом.*

Отметим, что в данном случае значение невозможности могло быть сформировано только контекстом поэтического произведения, в обычных же условиях аналитические формы будущего времени, выраженные сочетанием глагола-связки *буду* с инфинитивом глагола несовершенного вида, обозначают прогнозируемое, планируемое действие, которое последует за моментом речи говорящего. Контекст этот формируется, прежде всего, на жанровом уровне: пространственная локализация (*на берегу, отгородившись высоченной дамбой от континента, в небольшом кругу*), безмятежность и легкость существования героев (*будем в карты воевать, разведем огород, будем устриц жарить*), образная система – влюбленные на лоне природы – все это прямое следование законам жанра идиллии. В поэзии 20 века к этому жанру обращаются лишь с целью игры или стилизации, а потому буквальное прочтение текста было бы ошибочным.

То же значение формы будущего времени наблюдаем в стихотворении «Песня невинности, она же – опыта»: *Мы построим судно с винтом и паром, целиком из железа и полным баром. Мы взойдем на борт и получим визу, и увидим Акрополь и Мону Лизу.* Употребление форм будущего времени в перфективном значении усиливает контраст между предполагаемой завершенностью, результативностью действия в будущем и невозможностью его осуществления в реальности. Вера

в счастливое и безмятежное будущее приравнивается к невинности и незнанию жизни, отсюда оппозиция, заключенная в названии стихотворения, – «Песня невинности, она же – опыта».

Название стихотворения «Письмо в бутылке» снова обращает читателя к плану будущего. Однако перед нами возникает картина будущего кисти наивного художника: *Надеюсь я также, что некий швед спасет от атомной бомбы свет, что желтые тигры убавят тон, что яблоко Евы иной Ньютон сжует, а семечки бросит в лес, что блюда украсят сервиз небес.* Интересно, что объектом желаний лирического героя является предупреждение в будущем ошибок, уже сделанных в прошлом, что априори невозможно. Тот, кто посылает в будущее бутылку с письмом, знает наперед, что надежды его абсолютно беспочвенны. Таким образом, семантика форм будущего времени осложняется субъективно-модальными оттенками невозможности и сомнения.

По нашим наблюдениям, дополнительная семантика форм будущего времени может акцентироваться в художественном тексте И. Бродского частицами *не, вряд ли*: *Суслик не выскочит и не перебежит тропы. Не слышно птицы, ни, тем более, автомобиля: будущее есть панацея от того, чему свойственно повторяться* (Примечание к прогнозам погоды); *А дальше – туман густой: рай, где есть ангелы, ад, где черти. Но длинней стократ вереницы той мысли о жизни и мысль о смерти. Этой последней длинней в сто раз мысль о Ничто; но глаз вряд ли проникнет туда и закроется, чтобы увидеть вещи* (Колыбельная Трескового Мыса); *Я не видел, не увижу ваших слез, не услышу я шуриания колес, уносящих Вас к заливу, к деревьям, по отечеству без памятника Вам* (А. Ахматовой). В таких негативных конструкциях перфективное значение будущего синтаксического времени тесно связано с модальным значением невозможности совершить действие. Последнее не может быть осуществлено в реальности в силу необратимого хода времени и очевидных законов природы. Таким образом, в сфере будущего времени переплетаются две важнейшие категории, конституирующие предикативность: синтаксическое время и синтаксическая модальность [6, с. 60]. «Бросается в глаза разнообразие модальных оттенков, связанных с формами времени (особенно с формами настоящего и будущего времени)» [3].

Итак, употребление форм будущего времени в поэтической речи характеризуется существенными особенностями, присутствующими только этой подсистеме языка: формы времени соотносятся с предельно условной и подвижной точкой отсчета, их семантика отличается многозначностью, которая развивается в самом тексте. На многозначность форм будущего времени в поэзии Иосифа Бродского влияет образный строй его текстов, а также соотнесенность с основными мотивами творчества и авторской моделью времени. Для употребления форм будущего времени в его поэтической речи характерна тенденция к выражению отношений временной нелокализованности, поскольку границы между темпоральными планами носят у него размытый, нежесткий характер. На примере поэ-

тических текстов Иосифа Бродского можно наблюдать усложнение соотношений временных планов в структуре русской поэтической речи, в том числе появление и распространение аграмматических сочетаний.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белый А. «Плохая физика» И. Бродского // Нева, 2007, № 5. – С. 24.
2. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. – СПб., 1999. – С. 82.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947. – С. 580.
4. Николина Н. А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика. – Т. I. – М., 2006.
5. Рейхенбах Б. Философия пространства и времени. – М., 1985. – с. 130.
6. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке. – М., 2000. – 151 с.

УДК 811.161.1: 81

Шарипова О.А.

Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З. Бишшевой

ТОПОНИМЫ В СЛЕНГОВОМ ВЫРАЖЕНИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению молодежного сленга на территории Республики Башкортостан на примере материала, собранного в г. Стерлитамаке. Даются лингвистический и функциональный анализы региональных сленговых топонимов, что позволяет выделить особенности речи молодежи в г. Стерлитамаке по сравнению с речью молодежи других городов.

Ключевые слова: лексика, сленг, топоним, просторечие, стилистическая окраска.

O.Sharipova

TOPONYMS IN SLANG EXPRESSION
(Regional aspect)

Abstract. This article is dedicated to the study of youth slang on territory of the Republic Bashkortostan on the example of the material collected in Sterlitamak. The article gives a linguistic and functional analysis of regional slang toponyms, which allows emphasizing features of speech in young in Sterlitamak compared with the speech of young people of other cities.

Key words: lexis, slang, toponym, popular speech, stylistic coloring.

Молодежный сленг – это достоверный и яркий показатель состояния общества и особенностей его языка. Влияние молодежной речи на литературный язык тем выше, чем ниже уровень социальной стабильности, и напротив, это влияние тем меньше, чем выше в обществе статус элитарной культуры.

Важность изучения молодежного сленга на территории Республики Башкортостан, в частности в городах Уфа, Стерлитамак, Салават дает возможность: 1) выделить лингвистические особенности речи молодежи названных городов; 2) выявить динамику развития лексики русского языка в целом. В данной статье мы опираемся на материал, собранный в г. Стерлитамаке. Мы представим лишь одну идеографическую группу слов с точки зрения семантики и функционирования на территории Республики Башкортостан – топонимы.

В речевом общении молодежи представители других регионов отмечают чуждую и непонятную им лексику. Следовательно,

* © Шарипова О.А.